

**Арон Михайлович
Козловский:**

– Когда немец сжал кольцом Ленинград, мне было десять лет. Шла Великая Отечественная война, враг бомбил города и сёла, а я с такими же детьми был в пионерском лагере на станции Карташевка, под Сиверской. Нас вывезли оттуда 19 августа 1941 года, и наш эшелон попал под бомбёжку. Немец бомбил без перерыва, хотя на каждом вагоне крупными буквами была надпись: «Дети». До Ленинграда мы добирались очень долго, наверное, часов десять. А в пионерлагере мы войны не ощущали.

Это была первая бомбёжка, которую я помню. А восьмого сентября был обычный день. Позже мы узнали, что в этот день бомбили Бадаевские склады. Мы с мальчишками бегали туда и собирали сахарную патоку прямо с земли. Арналёты и бомбёжки с самолётов стали привычными. Дети продолжали заниматься в школах весь сентябрь и половину октября 1941 года. Нас там кормили. Суп был непонятно из чего, а ещё давали «пирожные» – какие-то ле-

пёшки из сои. При бомбёжках все спускались в бомбоубежище. В октябре ввели карточную систему на продукты питания. Для иждивенцев норма была 125 грамм хлеба из жмыха и опилок. Для рабочих норма была 250 грамм. А в ноябре сорок первого мы узнали, что такое голод. Помню, как мы ходили за капустой на Богословское кладбище, а потом мама квасила её в бочке. Мама была учительницей, преподавала математику, но не выдержала голода (у неё украли все продовольственные карточки) и умерла в начале сорок второго года.

Я остался на попечении тётки Розы. Она служила в милиции, муж её тоже был милиционером. Наша семья жила вначале на Кировском проспекте в доме №63, а потом, когда снаряд попал в нашу квартиру, мы переехали к бабушке с дедушкой на Моховую, 47. Этого дома уже нет – он был снесён после войны. Вместе с другом в марте сорок второго года мы попали под обстрел на Кировском проспекте. У приятеля оторвало ногу, а мне осколок снаряда попал в глаз. Нас определили в госпиталь. Раненые подкармливали нас из своих пайков. Дедушка умер, сестру отдали в детский дом. Отец был ранен на Ленинградском фронте, на Синявинских болотах, долго лечился в госпитале. Умерла и бабушка, и дядя, токарь Балтийского завода. А раньше он делился с нами своими продуктами. Шёл к нам и замёрз на улице.

Помню только отдельные моменты блокадного времени. Что я мальчишка, мог понимать тогда? Помню, как мы нашли котёнка и тащили его на руках домой, а какой-то мужчина у нас его отобрал. Ещё

осталось в памяти, как мы рвали крышу, чтобы ловить и гасить зажигалки, а девушки шестнадцати – восемнадцати лет нас не пускали. Помню, как в апреле сорок второго года все оставшиеся в живых жители вышли на уборку. Пошёл первый трамвай. В это же время каждый клочок земли на площадях и улицах города, в садах, даже в Летнем, и на Марсовом поле был засажен рассадой овощей и зелени. Уличные огороды обрабатывали сообща. А в мае на улицах продавали корюшку. Город весь пропах запахом огурцов. Корюшку давали по карточкам. Называлась она тогда «доппаёк». Корюшка спасла многих от голода.

Помню уже сорок третий год. Мы стали опять ходить в школу. В 1943-м году занятия в школе стали регулярными. После прорыва блокады мы с мальчишками собрались в бомбоубежище. Мы смотрели кино по детскому кинопроектору и жевали что-то вкусное. Это было большое торжество. Карточки отменили только в конце декабря 1947 года. Нормы хлеба и продовольствия были другими.

После войны я работал и учился. Закончил два техникума, работал электриком на автобазе, продолжал учёбу в Северо-Западном политехническом институте. Стал мастером ПТУ, готовил электромонтёров для Металлического завода и «Красного Выборжца». Был и заместителем директора профтехучилища. Общий рабочий стаж – пятьдесят восемь лет.

У меня семья, дети, внуки и правнуки. В Зеленогорске живу с 1997 года, состою в обществе «Жители блокадного Ленинграда». Награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За долголетний и добросовестный труд». Ношу звание «Ветеран профтехобразования».

ДЕТИ БЛОКАДЫ ВСПОМИНАЮТ...

ДЕТИ БЛОКАДЫ ВСПОМИНАЮТ...

Галина Алексеевна Бровка:

– День восьмого сентября 1941 года я помню очень хорошо, память сохранила даже детали. Это был первый день начала блокады. Ленинград бомбили, первый налёт был как раз в этот день. Мне было тогда пятнадцать лет. В Таврическом саду разместили зенитки. Взрослых жителей призывали на оборонные работы, на улицах поставили противотанковые «ежи», рядом с домом оборудовали бомбоубежище, и мы спасались там от фашистских бомбёжек и артобстрелов. Радио ещё звучало. Мальчишки нашего двора – мои ровесники – все как один хотели бежать на фронт. А потом двор обезлюдел, кого-то эвакуировали, кто-то успел уехать.

Мы, подростки, помогали работникам ЖАКТа (так назывались тогда жилконторы) расчищать подвалы от дров, готовить аптечки для бомбоубежища, запасали песок для чердаков, но гасить зажигалки нам не разрешали. Мы дежурили по бомбоубежищу. По тревоге мы обегали соседние дома и дворы по улице Красной связи (нынешний Вилен-

ский переулок) с крутящейся сиреной в руках. Сирена издавала ужасно противный звук, зато его слышали все.

Это был сигнал о том, что начинается обстрел или бомбардировка с воздуха. Немец всегда начинал бомбить в одно и то же время. Нашу школу на Кирочной улице закрыли, нас перевели в другую, на улицу Чайковского. Первые два месяца мы ещё занимались, я ходила в восьмой класс. Педагоги школы тоже ушли на фронт. В ноябре было уже не до занятий – начался голод, запас продуктов кончился. Хорошо, что дрова мы успели запасти.

А шестого ноября в наш дом попала бомба, на пятый этаж, где находилась наша квартира. Моя мачеха была там, не захотела спуститься в бомбоубежище. Чудом она осталась жива. Бомба сорвала крышу дома. Куски железа и обломки балок с чердака рухнули во двор, раздался страшный грохот. В бомбоубежище погас свет. В этот же день бомбы были сброшены и на сосед-

ние дома на улицах Радищева и Парадной.

Нам выделили другое жильё, но и туда вскоре попал снаряд. В январе сорок второго года я уехала работать на Ладугу, в эвакуопункт. Я была санитаркой, получала рабочую карточку, но ледовый паёк был очень скудный, а хлеб стоил очень дорого. Мы спасали детей и раненых, они были сильно истощены. Многие умирали у нас на руках.

Работала я и в тифозном изоляторе. Потом я завербовалась на авиазавод в Новосибирск, работала там фрезеровщицей три года. А в феврале сорок пятого года мне удалось вернуться в Ленинград.

В сорок шестом году поступила в фельдшерскую школу, закончила её и стала работать в Доме ребёнка медсестрой. Вышла замуж, родила двоих сыновей. Теперь у меня пять внуков. Навещают меня, не забывают. Я награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Лидия Ивановна Сотникова:

– В апреле сорок первого года мне исполнилось шестнадцать лет. Мы жили на Васильевском острове, в доме №37 на шестой линии.

Начало блокады я помню как страшный сон, который старалась забыть. Вой немецких самолётов, грохот рвущихся снарядов, свист падающих бомб. Блокада – это голод, холод, заклеенные крест-накрест окна, занавешенные одеялами и старыми пальто, «буржуйка» посреди комнаты.

Мои родители вначале работали на оборонных работах. Есть было нечего, мы сильно голодали и замерзали. На улицах было безлюдно. Бабушка и тётя умерли в страшную зиму в январе сорок второго года. Умерли и родители. Соседей тоже не стало. Много смертей довелось мне повидать в шестнадцать лет. Старший брат ушёл на фронт и погиб в сорок первом, в боях под Москвой. Родная моя сестра защищала Ленинград в рядах Красной армии. Я осталась одна и была эвакуирована в конце февраля 1942 года в Ярославль. Я попала

на фабрику «Североход», гдешили палатки для фронта.

Потом меня взяли на завод «Союз», переведённый в Ярославль из Ленинграда. Завод выпускал канцелярские принадлежности. Я работала прессовщицей на станке. Мой паёк был – шестьсот граммов хлеба в день. Работали по двенадцать часов. С питанием в 1943–1944 году стало получше. Завод «Союз» стал моей путёвкой во взрослую жизнь.

В 1945 году в апреле я вернулась в Ленинград. Вернулась и завод «Союз». Я продолжала там работать, доросла до старшего мастера и заместителя начальника цеха по планированию производства. Мой трудовой стаж – сорок лет. Награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденом «Знак Почёта». Сейчас мне восемьдесят восемь лет, я прожила большую жизнь, вырастила детей, внуков и правнуков. Никому не пожелаю тех испытаний, что выпали на долю нашего поколения.

Часто меня приглашают на встречи со школьниками. Я рассказываю им о своей блокадной юности. Современным детям трудно представить, что такое блокада.

